

ГОЛОС ИЗ ПРОШЛОГО

Natalya Fox 18+

Natalya Fox

Голос из прошлого

<https://litres.ru/73540896>

SelfPub; 2026

Аннотация

Диспетчер Нина слышит в эфире голос, который не могла забыть пять лет. Пилот Денис ведёт самолёт, в чьём шасси тикает бомба. У него есть час, чтобы посадить машину. У неё – час, чтобы решить, сможет ли она простить.

Но когда шасси коснется полосы, самое страшное только начнётся. Флешка с доказательствами убийства его отца, коррумпированные чиновники, заказавшие рейс, и люди, готовые стрелять, чтобы правда никогда не всплыла.

Им придётся снова довериться друг другу. Потому что ставки выше, чем жизнь. И потому что серебряная птичка на её шее – больше не символ ожидания, а знак надежды.

Остросюжетный роман о втором шансе, цене правды и голосах, которые звучат даже из прошлого.

Natalya Fox

Голос из прошлого

Часть 1. РАЗРЫВ

Глава 1. Механик

Дубай, международный аэропорт

02:17 ночи

За 4 часа до вылета рейса SU-124

Левую руку свело судорогой. Ахмед разжал пальцы, сжимавшие планшет, и увидел на бумаге мокрые следы. Он даже не заметил, когда вспотел. Стрелка часов перевалила за половину третьего. Четыре часа до вылета. Четыре часа до смерти – если всё пойдет по плану.

Ночной терминал вымер. Только системы кондиционирования надсадно гудели, прогоняя по пустым коридорам спертый воздух, да в синеватом свете прожекторов замерли самолеты. Ахмед смотрел на них двадцать пять лет. Раньше они казались почти живыми – он помнил, как в молодости, провожая взглядом взлетающий борт, думал: «Куда ты несешь людей? В Москву? В Лондон? В счастье?». Теперь взгляд уперся в хвост ближайшего лайнера – синяя полоса на белом фоне, бортовой номер А6-EDA, рейс SU-124 до Ека-

теринбурга – и видел только грудку металла, которой через несколько часов падать.

Телефон завибрировал в кармане комбинезона. Ахмед не спешил доставать. Он знал этот номер наизусть – выучил за три дня, с того самого первого звонка. Пять гудков. Десять. На одиннадцатом он нажал кнопку.

– Ты на месте?

Голос был ровным, с лёгким акцентом. Человек говорил так, будто заказывал пиццу.

– Да.

– Самолёт тот?

– Да.

– Тогда работай. Через двадцать минут подойдёт техник. Он принесёт то, что нужно.

Ахмед молчал. Смотрел на синюю полосу на хвосте самолёта. На огни перрона. На далёкие огоньки города – там, в палате интенсивной терапии, сейчас спала его дочь.

Лейла. Двенадцать лет. Тонкие запястья – Ахмед мог обхватить их двумя пальцами. Огромные глаза, в которых давно погасла надежда. Два года назад она смеялась, когда он катал её на спине в бассейне, и кричала: «Быстрее, папа, я лошадка!». Тогда она ещё могла смеяться. Теперь только смотрела из-под капельницы и шептала: «Папа, не уходи долго. Я боюсь одна».

– Я спросил: ты понял? – голос в трубке стал жёстче.

Ахмед почувствовал, как пальцы всё ещё дрожат. Сунул

руку в карман, сжал в кулак, заставил себя дышать ровно. Вдох-выдох. Этому научила армия тридцать лет назад.

– Да, – сказал он. – Я понял.

Связь оборвалась.

Он убрал телефон и зачем-то пересчитал самолёты на стоянке. Семнадцать. Восемнадцатый – его. Двадцать пять лет ни одного ЧП, ни одной серьёзной поломки по его вине. А теперь он поставит бомбу.

Из-за угла ангара вышел человек. Не техник из его смены, как обещали, – другой. Ахмед узнал бы его из тысячи: сутулая фигура, дорогой костюм под расстёгнутой ветровкой, тяжёлый взгляд из-под набрякших век. Посредник. В прошлой жизни, наверное, торговал палёной водкой где-нибудь в Челябинске. Теперь вот – смертью.

– Привет, – сказал посредник, останавливаясь в двух метрах. Он зевнул, прикрывая рот ладонью, и Ахмед увидел, что у того не хватает двух пальцев на левой руке. Обрубки торчали аккуратные, зашитые. – Не дёргайся. Всё просто.

В руке у него был небольшой кейс. Он открыл его, и в свете прожектора Ахмед увидел два предмета, похожих на автомобильные предохранители, только с тонкими усиками проводов. Лежали они в поролоне, как ювелирка.

– Там предохранители, – сказал посредник, кивая на кейс. – Поставь оба. Разберёшься, куда.

– Какая система? – голос Ахмеда сел, пришлось откашляться.

Посредник уже смотрел в телефон – писал кому-то. Не поднимая глаз, ответил:

– Третья гидравлика. И трос аварийного выпуска.

– Это же... если шасси не выйдут...

– Выйдут. – Посредник поднял глаза от телефона, усмехнулся. – Руками. Если успеют.

Он хмыкнул собственной шутке, снова уткнулся в экран.

– Да не трясись ты. Даже если найдут – спишут на усталость металла. Ты тут ни при чём.

– Сколько их там? – спросил Ахмед.

– Кого?

– Людей.

Посредник задумался, будто его спросили, сколько молока покупать.

– Двести двадцать. Или двести сорок. – Он махнул рукой.

– Да какая разница?

– Это же верная смерть, – выдохнул Ахмед.

Посредник вздохнул, спрятал телефон. Посмотрел на Ахмеда с усталой жалостью, как смотрят на больного ребёнка.

– Слушай, – сказал он тихо. – Твоя дочь лежит в клинике «Аль-Василь». Лучшая клиника в Эмиратах. Стоимость лечения – четыреста тысяч долларов. У тебя есть такие деньги?

Ахмед покачал головой.

– А у нас есть. Операция уже оплачена. – Посредник достал телефон, повернул экраном. Там было подтверждение банковского перевода на имя клиники. Четыреста тысяч. Да-

та – сегодняшняя. – Завтра утром Лейлу начнут готовить. А послезавтра лучший хирург страны сделает ей пересадку костного мозга. Ты понял? Не через месяц, когда соберёшь по знакомым. Завтра.

Ахмед закрыл глаза. Перед внутренним взором стояло лицо дочери – бледное, с синевой под глазами, с трубочкой в носу. Она улыбалась. Всегда, когда он приходил. Даже когда ей было очень больно – улыбалась, чтобы он не волновался.

– Ты же понимаешь, – продолжал посредник, – это не просьба. Ты уже согласился три дня назад, когда взял трубку. Обратного пути нет. Если откажешься сейчас... – Он пожал плечами. – Лейла не доживёт до утра. Не мы, так болезнь. Выбирай.

Ахмед открыл глаза. Посмотрел на самолёт. На синюю полосу. На огни, за которыми спали двести двадцать человек, которые через несколько часов сядут в эти кресла, улыбнутся стюардессам и полетят домой.

У них тоже есть дети. Кто-то летит к новорождённому, кто-то – хоронить мать, кто-то – просто домой, к жене. Он представил, как Лейла окажется на месте той девочки, которая будет плакать в самолёте, когда начнётся ад. Увидел это – и тут же отогнал. Нельзя. Если думать об этом – он не сможет.

– Давай сюда, – сказал Ахмед и протянул руку.

Посредник передал кейс, хлопнул его по плечу:

– Давай работай. У тебя дочка вон какая красивая.

Он ушёл так же тихо, как появился, – растворился в темноте между ангарами. Ахмед остался один. С кейсом. С самолётом. С четырьмя часами до рассвета.

Он поднялся по трапу. В салоне пахло пластиком и чистящими средствами – стерильно, безжизненно. Кресла стояли ровными рядами, на подголовниках белели наволочки с логотипом авиакомпании. Ахмед прошёл мимо них, стараясь не смотреть. Не думать, чьи головы будут лежать на них через несколько часов.

В кабине пилотов было темно. Только приборы тускло светились в полумраке. Два кресла, штурвал, бесконечные тумблеры и циферблаты. Ахмед сел в левое кресло – командирское. Положил руки на подлокотники. Закрыв глаза.

Он сидел здесь сотни раз. Проверял системы перед вылетом, разговаривал с пилотами, шутил про жён и начальников. Один командир, из старых, угощал чаем из термоса и рассказывал про дочку, которая поступила в университет. «Молодец у меня, вся в мать», – говорил он и показывал фотографию. Ахмед кивал, улыбался, а потом спускался в технический отсек и проверял гидравлику.

Теперь он здесь, чтобы убить.

Он открыл кейс. Достал первое устройство. Холодное и гладкое, как дорогой телефон. Где-то в хвосте самолёта щёлкнуло реле. Ахмед вздрогнул, чуть не выронил. Сердце колотилось где-то в горле.

– Тихо, – сказал он вслух. – Тихо, старик.

Он полез под панель. В тесноте проводов и трубок нашёл гидравлическую магистраль третьей системы. Толстый шланг в металлической оплётке. Достал нож, зачистил изоляцию. Лезвие соскользнуло и полоснуло по пальцу. Кровь выступила сразу – тёплая, липкая. Капля упала на металл пола, на белую маркировку проводов.

Ахмед смотрел на кровь. На свою кровь, смешанную с маслом гидравлики. В этот момент внутри него что-то умерло. Он перестал дрожать. Руки двигались спокойно и точно, как всегда. Подключил проводки. Закрепил устройство. Миниатюрный передатчик, который сработает от перегрузок, когда самолёт войдёт в грозовой фронт.

Потом спустился в технический отсек под полом кабины. Темнота, теснота, запах масла и нагретого металла. Где-то рядом мерно гудел насос – единственный живой звук во всей железной утробе. Ахмед включил фонарик на телефоне, нашёл трос аварийного выпуска шасси. Луч выхватил старую бирку: «Проверено 14.03.2018». Четырнадцатое марта. Четыре года назад. Он механически отметил дату – память механика цеплялась за цифры, даже когда всё остальное уже отключилось.

Установил второе устройство. Блокиратор, который заклинит механизм, когда пилот дёрнет за трос. Двойная страховка. Заказчик хотел гарантий.

Когда всё кончилось, Ахмед выбрался из отсека и сел прямо на пол кабины, прислонившись спиной к креслу второго

пилота. Посмотрел на руку. Порез саднил, кровь запеклась чёрной коркой. Вытер руку о комбинезон и зачем-то понюхал пальцы. Пахло железом.

Внизу, на перроне, появился техник из ночной смены – молодой парень, которому заплатили, чтобы он просто отвернулся на полчаса. Тот посмотрел наверх, на тёмный проём кабины, и Ахмед кивнул: всё в порядке.

Он встал. Прошёл через салон мимо пустых кресел. На одном из подголовников заметил забытую кем-то газету на арабском. Развернул, посмотрел на дату – сегодняшняя. На первой полосе снимок: самолёт этой же авиакомпании, заголовки про новые рейсы.

Сложил газету и положил обратно. Всё будет как обычно. Пассажиры сядут, улыбнутся, полетят. И умрут.

У трапа остановился, посмотрел на борт. В свете прожекторов самолёт выглядел огромным и беззащитным одновременно. Где-то внутри, в его железном нутре, тикали две маленькие смерти.

Ахмед повернулся и пошёл к стоянке для персонала. Прошёл мимо ангаров, мимо служебных построек, мимо автобуса, который через час привезёт первую смену. Сел в старенькую «Тойоту», завёл двигатель и долго сидел, глядя на приборную панель.

Потом достал телефон. Открыл галерею. Последнее фото дочери – она улыбалась, несмотря на боль, показывала рисунок, который нарисовала в больнице. На рисунке самолёт –

синяя полоса на белом фоне, точь-в-точь как тот, – папа в комбинезоне и надпись корявыми буквами: «Папа летит ко мне».

Ахмед смотрел на рисунок долго. Очень долго. Потом нажал «удалить».

Телефон спросил: «Вы уверены?». Он нажал «да».

Завёл машину. Выехал со стоянки. В зеркале заднего вида остались огни аэропорта – сотни огней, освещающих полосы, ангары, самолёты. Рейс SU-124 готовился к посадке пассажиров.

На выезде со служебной дороги он притормозил, пропуская пассажирский шаттл. Автобус медленно катил к дальнему терминалу, и в свете фар Ахмед увидел фигуру: молодой человек с рюкзаком за плечами только что вышел из автобуса и направлялся к трапу. Обычный пассажир. Кто-то, кто через несколько часов сядет в кресло, пристегнётся и полетит домой.

Парень остановился у подножия трапа, посмотрел на небо – проверял, не пойдёт ли дождь, или просто дышал ночным воздухом перед долгой дорогой. Потом поднялся по ступенькам и исчез в чреве самолёта.

Ахмед смотрел, как гаснет свет в иллюминаторах один за другим. Перевёл взгляд на хвост – синяя полоса на белом фоне, бортовой номер А6-EDA. Рейс SU-124 до Екатеринбурга.

– Прости, сынок, – сказал он вслух. Ветер унёс слова в

пустоту ночи. – Прости.

Он нажал на газ, и старенькая «Тойота» растворилась в оранжевом свете пустынных дорог. Навстречу больнице. Навстречу дочери. Навстречу утру, которое разделит его жизнь на «до» и «после» навсегда.

Глава 2. Диктофон

Борт SU-124, кресло 14А

За 2 часа до вылета

Ночь

Салон экономкласса пахнет кожзамом, чужими духами и переработанным воздухом, который кондиционеры без усталости гоняют по кругу. Денис сидит у иллюминатора, прижимаясь лбом к холодному пластику, и смотрит, как за стеклом суетятся последние пассажиры.

Он ненавидит эту стадию полета. Время между посадкой и взлетом, когда ты уже заперт в железной трубе, но ещё не оторвался от земли. Можно только сидеть и ждать. Дышать чужим воздухом. Слушать чужой кашель, чужой смех, чужой шёпот.

Рядом, в кресле 14В, полная женщина в цветастом платке разложила столик и выкладывает еду – лепёшки, сыр, варёные яйца. От запаха яиц Дениса мутит. Он отворачивается к иллюминатору.

За стеклом – ночной Дубай. Огни, огни, огни. Россыпи светящихся точек, разбросанных по пустыне. Нефтяные вышки на горизонте мигают красным, как глаза хищников в темноте. Пять лет назад он улетал отсюда, думая, что навсегда. Что хватит с него этой страны, этой жары, этой жизни. Что дома, в Екатеринбурге, его ждёт Нина, которая поймёт и простит.

Она не поняла. Не простила. Рука сама тянется в карман куртки, висящей на спинке переднего кресла. Пальцы нащупывают твёрдый прямоугольник – диктофон. Старый, ещё кассетный, каких уже лет двадцать не делают. Чёрный пластик потёрт на углах, кнопки стёрлись от времени.

Денис достаёт его. Смотрит. Последняя вещь, которую отец успел передать перед смертью. Не лично – через соседа по лестничной клетке, дядьку, с которым они вместе рыбачили на Волге. «Сынок, это тебе отец просил отдать. Сказал, важное». Денис тогда не придал значения – мало ли что старик мог сказать. Они не общались последние пять лет. После развода родителей, после того как отец ушёл к другой, Денис перестал для него существовать. Звонил раз в год, на Новый год, отделялся дежурными фразами. А отец всё пытался пробиться, писал письма, которые Денис не читал, оставлял сообщения – и Денис стирал их, не прослушав.

А потом отца не стало. Инфаркт, сказали. Сердце не выдержало.

Денис не был на похоронах. Узнал через месяц, случайно,

от того самого соседа, который когда-то нянчил его в детстве. Сосед позвонил и спросил: «Денис, ты почему на могилку не приходишь? Отец ведь один лежит, никто за ним не смотрит».

Он тогда долго сидел на кухне своей дубайской квартиры, сжимая телефон. Смотрел на стену и не видел её. Потом пошёл на работу, провёл смену, вернулся домой и напился. Впервые за много лет.

А через месяц сосед принёс диктофон.

Денис не включал его полгода. Боялся. Не знал, что услышит. Обвинения? Слезы? Мольбы о прощении? Засунул диктофон в ящик стола и старался не думать. А перед отлётом, собирая вещи, наткнулся случайно. И понял: пора.

– Молодой человек, пристегнитесь, – стюардесса, проходя по проходу, одаривает его профессиональной улыбкой. – Взлетаем через пятнадцать минут.

Денис кивает, засовывает диктофон обратно в карман, пристёгивает ремень. Женщина рядом убирает еду, прячет лепёшки в сумку. Самолёт вздрагивает, начинает медленно выруливать на взлётную полосу.

За иллюминатором проплывают огни аэропорта. Ангары, заправщики, служебные постройки. Денис смотрит равнодушно – видел уже сотни раз. И вдруг замечает фигуру. Механик в синем комбинезоне замер у шасси, глядя на самолёт. Старый, сутулый, с седой головой. Все уже давно проверили, а он не уходил – просто стоял, задрал голову, и смотрел.

На секунду их взгляды встречаются. Сквозь стекло, сквозь темноту, сквозь сотни метров бетона и стали. Механик не может видеть Дениса – слишком темно, слишком далеко. Но Денису кажется, что этот старик смотрит именно на него. В упор. С такой тоской, что хочется отвернуться.

Самолёт разгоняется, отрывается от земли. Фигура механика исчезает, растворяется в огнях. Денис провожает взглядом убегающий вниз город и думает: странный человек. Чего он там стоял?

Потом мысли переключаются на другое. На Нину. На то, что через три часа он будет в Екатеринбурге. Что она работает в той самой башне, куда он будет заходить на посадку. Что услышит его голос в эфире.

Что скажет? Что сделает?

Самолёт набирает высоту. Загорается табло «Пристегните ремни». Соседка справа закрывает глаза и начинает шептать молитву. Денис откидывается в кресле и чувствует, как диктофон давит на бедро через ткань кармана.

Он достаёт его снова. Смотрит на стёртые кнопки, на царапины, на старую наклейку с выцветшей надписью: «Сергеев А.В.». Отец. Александр Сергеев. Лётчик, каких мало. Герой, как говорили. Для Дениса – просто чужой человек, который бросил их с матерью, когда Денису было пятнадцать.

Палец ложится на кнопку воспроизведения. Денис медлит секунду, другую. Потом нажимает.

Из маленького динамика доносится шипение плёнки. По-

том – голос.

Слабый. Хриплый. Но узнаваемый – отцовский голос. Отец говорит медленно, с паузами, будто каждое слово даётся с трудом.

– Сынок... если ты это слушаешь... значит, меня уже нет.

Денис замирает. Сердце пропускает удар. Он сжимает диктофон так, что костяшки белеют.

– Я нашёл документы. В Кольцово, на работе. Начальник смены Полуянов... он крышует контрабанду. Через Дубай, через наших людей... Я нашёл доказательства. Флешка... я спрятал её в старом гараже, где мы с тобой мотоцикл чинили. Помнишь? За кирпичом, слева от верстака. Там всё – имена, даты, счета. Если со мной что-то случится... забери её. Отдай в ФСБ. Только не лезь сам, слышишь? Не лезь.

Голос срывается. Кашель. Долгий, надсадный.

– Я гордился тобой, сынок. Всегда гордился. Даже когда ты не хотел меня знать. Ты стал пилотом. Лучшим. Я следил за тобой... через знакомых. Знаю, ты в Дубае работаешь. Это хорошо. Там безопасно. Но если ты это слушаешь... значит, я уже не смог тебя защитить.

Пауза. Дыхание. Снова кашель.

– Они приходили. Вчера. Спрашивали про документы. Я сказал, что ничего не знаю. Но они не поверили. Я чувствую... слезку. Если меня убьют – это они. Полуянов и его люди. Только флешка... она всё докажет.

Тишина. Денис слышит только шипение плёнки и стук собственного сердца.

– Прости меня, сынок. За всё. За то, что не был рядом. За то, что ушёл. Я любил тебя. Всегда. Ты... ты моя кровь. Моя гордость. Если сможешь... прости. Я там, где нет боли. Не ищи меня.

Щелчок. Запись обрывается.

Денис сидит неподвижно. В салоне приглушённый свет, пассажиры читают, разговаривают, спят. Жизнь идёт своим чередом. А у него внутри – взрыв. Отца убили. Не инфаркт. Убили.

Он смотрит на диктофон, на стёртые кнопки, на наклейку с отцовской фамилией. В голове не укладывается: старик, который бросил их, который был для него пустым местом, – следил за ним. Гордился им. Пытался защитить.

И его убили. За какие-то документы. За флешку в старом гараже. Денис закрывает глаза. Перед внутренним взором встаёт гараж, где они с отцом возились с мотоциклом. Старый «Иж», разобранный на запчасти, запах бензина и масла, отцовские руки в смазке. Кирпичная стена слева от верстака. Один кирпич чуть выступает – отец прятал за ним записку, мелочь на пиво.

Денис помнит. Всё помнит. Самолёт гудит, набирая высоту. За иллюминатором чернота. Только крыло мерно покачивается в такт воздушным потокам. Где-то там, впереди, – Екатеринбург. Нина. Старый гараж. И правда, которая стоит

нескольких жизней.

Он снова нажимает «воспроизведение». Слушает отцовский голос ещё раз. Потом ещё. И ещё.

К четвертому разу он выучил запись наизусть. Каждую паузу. Каждое дыхание. Каждое слово. *«Я гордился тобой, сын»*.

Денис убирает диктофон в карман. Смотрит в черноту за стеклом.

– Я найду их, пап, – шепчет он одними губами. – Клянусь. Я найду их всех.

Рядом всхрапывает во сне соседка в цветастом платке. Где-то в хвосте плачет ребёнок. Стюардессы катят тележку с напитками.

А в груди у Дениса разрастается холодная, тяжёлая ярость. Он никогда не мстил. Никогда не держал в руках оружия. Никогда не думал, что способен на насилие.

Но сейчас, глядя в чёрное окно, он знает: он убьёт человека. Если понадобится – убьёт. Ради отца. Ради правды. Ради того, чтобы этот хриплый, усталый голос на плёнке не звучал впустую.

Самолёт идёт на восток. Навстречу рассвету. Навстречу дому. Навстречу войне.

Внизу, далеко под крылом, проплывает Каспийское море. Чёрное, бескрайнее, равнодушное. Где-то там, на дне, лежат обломки других самолётов и другие правды.

Денис закрывает глаза. Пытается уснуть. Но перед глаза-

ми стоит лицо механика в синем комбинезоне – тот старик, что смотрел на борт с такой тоской. И отцовский голос в ушах:

«Они приходили вчера. Спрашивали про документы».

– Я приду, пап, – шепчет Денис в темноту. – Я приду за ними.

Самолёт гудит ровно, убаюкивающе. Где-то в кабине пилоты ведут машину сквозь ночь, не подозревая, что через несколько часов им предстоит схватка со смертью. Где-то в Екатеринбурге спит Нина, не ведая, что её бывший летит к ней с войной в сердце.

А в техническом отсеке, под полом кабины, тикают два маленьких устройства, примотанных изолентой к гидравлике и тросу. И время неумолимо идёт к рассвету.

Глава 3. Башня

КДП Кольцово, командно-диспетчерский пункт

06:23 утра

Примерно 2 часа до посадки SU-124

Лифт пахнет кофе и чужим потом. Нина стоит, прислонившись спиной к холодной металлической стене, и смотрит, как бегут цифры над дверью. Третий этаж. Четвёртый. Пятый.

Рука сама тянется к шее – проверить, на месте ли птичка.

Пальцы хватают пустоту.

Нина опускает голову, смотрит на бейдж. Там, на фото, она улыбается – пять лет назад, когда только устроилась, когда всё ещё было просто. Птички на фото нет. И на шее – тоже.

Забыла. Впервые за пять лет. Шестой этаж. Седьмой. Лифт останавливается, двери разъезжаются с тихим шипением. Коридор залит неестественно белым светом. Где-то звенит чайник, кто-то смеётся. Обычное утро.

В диспетчерском зале уже горят экраны. Вадим Сергеевич сидит за своим пультом, помешивает чай. Увидев Нину, поднимает бровь.

– Опаздываешь.

– На две минуты.

– На две минуты – тоже опаздываешь. – Он отхлёбывает, морщится. – Катя уже всё приняла. Садись.

Нина проходит к креслу. Садится, надевает гарнитуру, пробегает по экранам. Сектор спокойный: пара на подлёте, один на вылете.

Катя оборачивается:

– Привет. Как выходные?

– Нормально.

– А вид у тебя...

– Вид как вид. – Нина резче, чем надо, поправляет микрофон. – Что по погоде?

Катя понимает: лезть не надо. Тычет в экран:

– Гроза с запада. К обеду будет здесь. Пока чисто.

Нина кивает, смотрит на радар. Зелёное, жёлтое, красное.

Гроза ползёт медленно, но, верно.

Переводит взгляд на список бортов. Москва, Питер, Сочи, Новосибирск. И вдруг: **SU-124. Дубай. Посадка 08:30.**

Сердце пропускает удар. Потом ещё один. Дубай. Там он. Там остался. Пять лет назад улетел и не вернулся. Она помнит тот день, как вчера. Стеклопакеты двери аэропорта, его руку на своей талии, обещание: «Я вернусь через месяц, решим всё». Месяц растянулся на год, потом на пять. Звонки стали реже, потом прекратились совсем. Она не знала, что хуже – ждать или перестать ждать.

– Нина? – голос Кати будто сквозь вату. – Ты чего?

Нина моргает. Отрывает взгляд от экрана. Видит, что Вадим тоже смотрит на неё – поверх пульта, прищурившись.

– Всё нормально, – голос чужой. – Задумалась.

Она поворачивается обратно, тянется к мышке – и вдруг темнеет в глазах. На секунду мир исчезает, остаётся только гул вентиляции и сердце в ушах.

Рука дёргается. Падает на тумблер. Щелчок – и маленькая точка на радаре уходит в сторону.

Нина приходит в себя мгновенно. Пальцы сами корректируют курс. Борт возвращается на линию. Никто не заметил. Кроме...

– Нина.

Вадим стоит за спиной. Смотрит на экран, потом на неё.

– Что это было?

– Ничего. – Голос ровный. – Палец соскользнул.

Вадим молчит. Смотрит долго, слишком долго. Потом переводит взгляд на экран.

– Палец.

– Да.

Он ещё секунду смотрит, потом возвращается к своему пульта. Но Нина чувствует спиной его взгляд.

– Кстати, – Катя понижает голос до шёпота. – Ты видела, кто на подходе? SU-124 из Дубая. Там же этот...

– Катя. – Нина смотрит в упор. – Работаем.

Катя осекается, отворачивается. В зале знали её историю. Знали, как она год ходила сама не своя. И теперь, когда рейс оттуда заходит на посадку, все смотрят на неё.

Нина сжимает зубы. Смотрит на экран. Точка SU-124 ползёт по радару. До входа в зону ещё далеко, но сердце уже колотится.

Слышит, как Вадим перестаёт стучать по клавишам. Мельком оборачивается – он стоит у окна, спиной к залу. Рука трёт левое запястье, где из-под рукава виден край старого шрама.

Странно. Услышав «Дубай», он замер и трёт этот шрам. Будто ждёт чего-то. Будто знает больше, чем говорит.

– Вадим Сергеевич? – зовёт она тихо.

Он не оборачивается. Только рука замирает на мгновение, потом снова трёт.

– Да, – отвечает не сразу. – Слушаю.

– Чай остынет.

Он поворачивается медленно, будто нехотя. Смотрит на чашку, потом на Нину. Взгляд отсутствующий.

– Успею, – садится за пульт.

Нина отворачивается к экрану. Мысли путаются.

Губы пересохли. Облизывает их, глоток воды. Тёплая, противная.

– Екатеринбург-подход, борт SU-124, запрашиваю вход в зону.

Голос в наушниках. Чужой. Пилот.

Нина выдыхает. Нажимает кнопку передачи:

– Борт SU-124, Екатеринбург-подход, проходите на точку входа, эшелон 9 000, давление 748.

– Принял, подход. Спасибо.

Щелчок. Связь отключилась. Всё. Рейс из Дубая – просто ещё один борт. Ничего личного.

Точка входит в зону. До посадки – около двух часов.

– Красиво заходит, – говорит Катя.

Нина молчит. Смотрит на точку, ползущую по радару. Думает только об одном: держать себя в руках.

Но внутри – дрожь. Не от страха, от предчувствия. Что-то начинается. Что-то, что перевернёт всё. Точка ползёт к дому. Нина смотрит на экран и ждёт.

В кресле 14А Денис смотрит в иллюминатор. Под крылом – облака, где-то под ними – Екатеринбург. Нина. Дом. Он

ещё не знает, что через несколько часов его жизнь снова разделится на «до» и «после». Но пока – тишина. Только гул двигателей, только ровный писк приборов, только точка на радаре, несущая его навстречу неизбежному.

Часть 2. ГРОЗА

Глава 4. Mayday

Борт SU-124, кабина пилотов

07:42 утра

48 минут до посадки

Сначала Денис подумал, что ему показалось. Самолёт трянуло – сильнее, чем обычно в болтанке. За иллюминатором мелькнула вспышка, и на секунду показалось, что прямо по крылу ударила молния. Соседка в цветастом платке охнула, прижала руки к груди. Где-то в хвосте заплакал ребёнок.

– Дамы и господа, – голос стюардессы в динамиках звучал ровно, профессионально, – мы входим в зону турбулентности. Просим вас пристегнуть ремни...

Договорить она не успела. Самолёт провалился вниз. Резко, будто у него отрезали крылья. Дениса вжало в кресло, перед глазами поплыло, желудок ухнул куда-то в пятки. Женщина рядом закричала – тонко, по-звериному. Крики раздались по всему салону.

А потом погас свет. На три секунды. Четыре. Пять. Когда лампы зажглись снова, Денис увидел, что маски с потолка не упали. Значит, разгерметизации нет. Просто тряхнуло. Сильно, но бывает.

Самолёт выровнялся. Двигатели гудели размеренно. Денис выдохнул, разжал пальцы, вцепившиеся в подлокотники.

– Всё хорошо, – сказал он женщине рядом. – Это просто гроза.

Она смотрела на него безумными глазами, не понимая. И тут в салон вбежала стюардесса. Не та, что разносила напитки, – старшая, с нашивками на рукаве. Лицо белое, губы сжаты в нитку. Она пробежала мимо, даже не взглянув на пассажиров, и скрылась в хвосте.

Денис проследил за ней взглядом. Что-то не так. Если бы просто турбулентность, она бы успокаивала людей, а не бежала сломя голову.

Через минуту стюардесса вернулась. С ней был второй пилот – молодой парень, которого Денис мельком видел, когда заходил в самолёт. Сейчас лицо у пилота было серым.

– Есть на борту пилоты? – спросила стюардесса громко, на весь салон. – Врачи? Люди с медицинским образованием?

Денис встал раньше, чем успел подумать.

– Я пилот.

Стюардесса посмотрела на него. Оценила – быстро, цепко.

– Пройдёмте.

Она уже разворачивалась, не сомневаясь, что он пойдёт.

Денис шагнул в проход, чувствуя на себе десятки взглядов. Сзади кто-то зашептался, кто-то заплакал громче.

– Держитесь, – бросил он женщине в цветастом платке и пошёл за стюардессой.

Второй пилот ждал у двери в кабину. Когда Денис подошёл, парень отступил в сторону, пропуская, и Денис увидел.

Командир сидел в своём кресле, откинувшись назад. Глаза закрыты, голова запрокинута, изо рта тянулась тонкая нитка слюны. Ремни безопасности были пристёгнуты, руки безвольно лежали на подлокотниках. Парень рядом машинально перекрестился, глядя на командира.

– Что случилось? – Денис уже был рядом, щупал пульс на шее. Пульс прощупывался – слабый, нитевидный, но был.

– Не знаем, – голос второго пилота дрожал. – Гроза, болтанка, потом удар... молния, наверное. Командир потерял сознание, я пытался удержать машину, но...

– Ты сам как?

– Вроде нормально. – Парень сглотнул. – Но я... я всего год как второй. Один не справлюсь.

Денис уже не слушал. Он смотрел на приборы. Высота – 8 200. Скорость – 480 узлов. Курс – 87 градусов. Самолёт шёл ровно, автопилот держал машину.

– Молния ударила в нос, – сказал второй пилот. – Вся электроника на секунду отключилась. Когда включилась, командир уже был...

– Понял. – Денис сел в правое кресло, быстро пробежал

глазами по панели. Всё в норме. Пока.

– Вы пилот? Какой налёт? – спросил второй пилот.

– Три с половиной тысячи. «Боинги» не водил, но самолёт есть самолёт. – Денис уже пристёгивался, двигал кресло под себя. – Я военно-транспортный заканчивал, потом «Ту» водил пять лет. Разберусь.

Парень смотрел на него с надеждой и страхом одновременно.

– Что нам делать? Денис не ответил. Он смотрел под панель.

Там, в тесноте проводов и трубок, что-то блеснуло. Что-то чужое. Денис нагнулся, всмотрелся – и похолодел.

Два проводка. Тонких, с аккуратными зажимами. Один врезан в гидравлическую магистраль третьей системы. Второй уходит глубже, к тросу аварийного выпуска шасси – Денис знал эту схему наизусть.

– Что это? – спросил второй пилот, проследив за его взглядом.

Денис не ответил. Он смотрел на первый проводок. Если это взрывчатка – дёргать нельзя, сдетонирует. Но гидравлика уже сыпалась, давление падало, и медлить было некогда. Он рванул проводок. Тот поддался легко – изоляция хрустнула, оголённые концы сверкнули медью. Денис выдохнул: обошлось.

Второй проводок уходил глубоко под панель. Денис сунул руку, пытаясь нащупать, – пальцы скользили по проводам, по

металлу, но до второго устройства было не добраться. Оно сидело где-то в отсеке под полом.

– Это диверсия, – сказал Денис глухо. – Кто-то поставил взрывчатку в гидравлику и блокиратор шасси. Первое я выдернул. Второе – под полом, надо лезть в технический отсек.

Второй пилот перекрестился снова.

– Так лезьте!

– Не сейчас. – Денис показал на приборы. – Сейчас мы в грозе. Если полезу, могу не удержаться. Будем заходить на посадку – тогда.

– А если шасси не выйдут?

– Значит, буду лезть. – Денис посмотрел на парня. – Вызывай «Мэйдэй». Сейчас же.

Второй пилот кивнул, схватился за гарнитуру. Руки у него тряслись так, что он с трудом попал пальцами в кнопки.

– Екатеринбург-подход, Mayday, Mayday, Mayday! Борт SU-124, отказ гидравлики третьей системы, командир без сознания, на связи второй пилот и пассажир-пилот, запрашиваем экстренную посадку!

В наушниках зашипело. Потом женский голос – чёткий, спокойный:

– Борт SU-124, вас поняла. Запрос принят. Освобождаем полосу. Назовите остаток топлива, количество людей на борту, характер повреждений.

Денис замер. Этот голос. Он узнал бы его из тысячи. Нина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.